

Павел Крючков
«...приветствую Ваш Оксфорд»

Мирону Семёновичу Петровскому

«Теперь он был почетным доктором литературы Оксфордского университета. Коля Корнейчуков, „незаконнорожденный“ сын украинской крестьянки и питерского студента, изгнанный в свое время из гимназии по циркуляру о „кухаркиных детях“, в такой же мантии, какую до него носил Тургенев».

Валентин Берестов. «Корней Чуковский»¹.

В рабочем кабинете Корнея Чуковского, слева от письменного стола, на балконной двери второго этажа висит диковинное одеяние: почетная оксфордская мантия Доктора литературных наук. В мае 1962 года он получил ученую степень под названием «honoris causa», то есть «во внимание к заслугам», ради почёта, по совокупности достижений.

Сегодня, когда сложившийся в массовом сознании расхожий образ Корнея Чуковского исключительно как поэта-сказочника для малышей понемногу уступает более объективному и полному представлению о разнообразной работе уникального литератора-«многостаночника», — мы решили еще раз вспомнить о событиях полувековой давности, обобщив немногочисленные, но ценные свидетельства о последней поездке Чуковского в Англию. И — обстоятельства присужде-

© Pavel Kryuchkov, 2012
<http://www.utoronto.ca/tsq>

¹ См. публикацию на интернет-сайте «Отдав искусству жизнь без сдачи» (основатели и модераторы Юлия Сычева и Дарья Авдеева; работу сайта поддерживает Елена Цезаревна Чуковская): <http://chukfamily.ru/Kornei/Biblio/Berestov.htm>.

ния ему этой ученой степени вкупе с «эхом» «оксфордских» событий в его посмертной литературной судьбе.

Интересно, что впервые о возможности побывать в Оксфорде, Корней Иванович заговорил во времена своей первой английской поездки 1903—1904 гг., в письме к профессору западных литератур Новороссийского университета В. Ф. Лазурскому (1869—1945), который познакомился с Чуковским в Британском музее, подружился с ним и опекал в нелегкой лондонской жизни.

В июне 1904 года Корней Иванович перебрался жить в частный пансион, занимаемый до него Лазурским (уехавшим работать над диссертацией в Оксфорд) и оттуда написал своему старшему другу: «Я работаю весь день — и отучился от голода. Деньги получу не сегодня-завтра — тогда, надеюсь, внести Вам свою контрибуцию. А покада пребываю любящим и уважающим Вас *Корнеем Чуковским*. Уже напечатана моя статья о спиритах — ничего себе. Знаете, я на днях получу из газеты отпуск — и может быть на день катну в Oxford»².

Газета, из которой Чуковский намеревался получить отпуск — это «Одесские новости», корреспондентом которой он — во многом стараниями другого её сотрудника, Владимира Жаботинского — и был командирован в Англию.

В сентябре 1904 года Чуковский вернулся в Одессу. Через год он начал издавать и редактировать политико-сатирический журнал «Сигнал» (запрещенный в декабре 1905 года), подвергся судебным преследованиям за статьи, «оскорбительные для Государя Императора и высшей правительственной власти, а также возбуждающие к ниспровержению существующего строя», был оправдан, затем дело вновь возбудили, вынесли приговор, отпустили под залог и т. п.

И на протяжении всего этого времени Корней Иванович мечтал вернуться в Англию. Вот, в мае 1906 года он пишет редактору «Весов», поэту Валерию Брюсову о желании выслать

² Корней Чуковский. Письма. 1903—1925. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 14. М.: Терра-Книжный клуб, 2008, стр. 51.

ему свою новую статью об Уолте Уитмене: «У меня не заметка, а именно статья, и потому мне ужасно, ужасно хочется знать Ваше мнение. Я читал статью Бердяеву, Струве, Вас. Вас. Розанову, и всем этим столь различным людям статья показалась любопытной. Где Вы проводите лето? Ужели в Москве? Я, если б не моя судебная волокита, давно уже был бы в Оксфорде»³.

Спустя полгода, в январе 1907 Брюсов напишет ему: «Дорогой Корней Иванович! Своим решением ехать в Англию Вы меня очень радуете. Я всегда говорил, что ежедневная работа в газетах для Вас губительна. Вернее, не самая работа, а необходимость при этом ежедневно видеть газетных людей, говорить с ними, быть с ними. Пишите, хотя бы и ежедневно, — но из Лондона»⁴.

Однако, вторично побывать в Англии Чуковскому удалось только в феврале 1916 года, когда делегация русских литераторов и журналистов по приглашению британского правительства посетила военную союзницу России, побывав заодно во Франции и в Бельгии. В течение той поездки К. Ч. познакомился с рядом известных английских писателей и политиков, русскую делегацию принял у себя король Англии Георг V.

Но и в 1916 году Чуковский Оксфорда не увидел.

* * *

Есть основания предполагать, что своим оксфордским «докторанством» 1962 года Корней Иванович во многом обязан знаменитому английскому дипломату, философу, слависту, историку и адресату стихотворений Анны Ахматовой — сэру Исае Берлину (1909—1997). Прямых документальных свидетельств, подтверждающих сказанное, разумеется — нет, но такие предположения, действительно, издавна существуют.

³ Там же, стр. 92.

⁴ Корней Чуковский. Из воспоминаний. М.: Советский писатель, 1959, стр. 441 («Письма Валерия Брюсова»).

Их, с существенными оговорками, разделяет и автор настоящих заметок⁵.

Исайя Берлин познакомился с Корнеем Чуковским летом 1945 года в Москве. Недавно оставивший пост секретаря британского посольства в Вашингтоне и только что назначенный 2-м секретарем представительства Её Величества в СССР, Берлин сразу же по прибытии на место, отправился в полпред-

⁵ Впрочем, подобные версии всегда связаны с той или иной мифологией, которая зиждется и на знании/не знании причудливых механизмов научно-карьерных и литературно-премиальных процессов, и на переменчивых обстоятельствах «времени и места», и на индивидуальной психологии тех или иных фигурантов.

В эссе «Исайя Берлин в восемьдесят лет» (1989), Иосиф Бродский писал, например: «Конечно, я знал (наверно, от Ахматовой), что мой нынешний атенеумский собеседник родом из Риги. Еще она считала его личным другом Черчилля, чьим любимым чтением в войну были донесения Берлина из Вашингтона. Еще она была совершенно уверена, что именно Берлин выхлопотал ей почетную степень в Оксфорде и премию Этна Таормина в Италии в 1963-м. (*Повидав потом оксфордских профессоров, я понял, что такие хлопоты гораздо тернистее, чем она могла вообразить*). Курсив наш — П. К.

А в документальном романе «Сэр» Анатолия Наймана (ж-л «Октябрь», 2000, № 11) нам встретился такой эпизод: «Жизнь время от времени принимала серьезный оборот, но когда не принимала — то есть по большей части, — была забавной. Когда он (И. Берлин — П. К.) приехал на несколько дней в Москву в 1988 году и навестил Лидию Чуковскую и она обратила его внимание на большую, над книжным шкафом, картину, изображавшую кабинет ее отца Корнея Чуковского в Переделкине, где Берлин бывал в 1945 году, и спросила, узнает ли он комнату и вещи, он ответил весело: а — а, да — да... А мантию, висящую на двери — оксфордскую мантию, в которой Чуковский получал почетную степень доктора? Да — да, у меня есть такая же... Хозяйка относилась к подобным вещам и вообще к признанию заслуг, если они подлинные — а признание Оксфорда автоматически значило, что они подлинные, — в высшей степени серьезно. „А за что именно вы получили?“ — „А мой друг такой-то возглавил комиссию по присуждению и сразу же мне дал“. В ее табели о рангах сэр Исайя Берлин занимал достаточно высокое и прочное место, чтобы это легкомысленное вольтерьянство не пошатнуло ее представлений. Но она была шокирована — настолько, что после его ухода, за полночь, позвонила мне и, делясь свежими впечатлениями от первой в жизни встречи с ним, чуть ли не в самом начале упомянула об этой неожиданной и не вполне достойной столь важного предмета, скажем так, эскападе, чтобы не сказать — позиции».

ство на приём, устроенный в честь годовщины русскоязычного издания уникальной еженедельной газеты «Британский союзник» (выпускаемой Министерством информации Великобритании и распространявшейся в СССР). Там он встретился с режиссерами Таировым и Эйзенштейном, и — с Чуковским, которого при первой публикации своих воспоминаний о том дне и последующих встречах с Борисом Пастернаком и Анной Ахматовой, сэр Исайя Берлин назвал «не менее известным литературоведом, критиком, переводчиком и талантливым детским поэтом Корнеем Чуковским». Вот как характеризовал Берлин своего нового знакомого и собеседника на том приеме в мемуарах «Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах»: «Чуковский был литератором высокого класса, завоевавшим известность еще до большевистского переворота. Он, человек левых взглядов, приветствовал революцию. Но впоследствии, как и другие, независимо мыслящие интеллигенты, вынес свою долю гонений со стороны властей. Есть много способов сохранить здравый ум в условиях деспотизма. Чуковскому это удалось благодаря своего рода ироничному отстранению от политики, определенной осторожности и огромной стойкости характера. Его решение — ограничить себя сравнительно безопасной областью русской и английской литературы девятнадцатого века, детскими стихами и переводами — возможно, спасло его самого и его семью от страшной участи многих его друзей⁶. Он доверил мне свое сокровенное жела-

Действительно, в 1960-е гг. сэр Исайя Берлин занимал в Оксфордском университете (с 1950 по 1966 он преподавал философию в All Souls College, а затем был избран президентом Wolfson College) — весьма влиятельное положение. И это позволяет считать предположение о его воздействии на принятие решений в отношении «докторантуры» Корнея Чуковского (1962) и Анны Ахматовой (1965) — обоснованным. Далее об этом — в основном тексте.

⁶ Интересно, что в своем докладе «Литература и искусство в РСФСР» («A Note in Literature and Arts in the Russian Soviet Federative Socialist Republic in the Closing Months of 1945»), подготовленным осенью 1945 года в Москве для Министерства иностранных дел Великобритании, уже знакомый с Чуковским, Берлин дважды упоминал и его. Первый раз — перечис-

ние: он мечтал прочитать автобиографию Тrolлопа...»⁷ Далее Берлин пишет, что со временем он достал Чуковскому этот труд⁸, ответно попросив Корнея Ивановича познакомить его в Переделкине с Пастернаком.

Чуковский охотно согласился и пригласил своего визави в гости. Через неделю Берлин приехал на электричке в писательский посёлок в сопровождении бывшей жены композитора Сергея Прокофьева.

«Потом я понял, что с его (Чуковского — П. К.) стороны это был весьма смелый, даже безрассудный шаг. Ведь общение с иностранцами, особенно представителями официальных миссий, было без преувеличения очень опасно и, зная это, я впоследствии старался избегать личных встреч с совет-

ляя в главке «Второй период: 1928—1936» филологов и литературных критиков, чье становление пришлось на этот временной период. Затем — в главе «Настоящее время», после рассказа о неиссякаемом интересе советских читателей к поэзии и предположений о возможно более блестящем литературном будущем Советского Союза, чем у всякой другой страны, — Берлин написал о Чуковском подробнее.

«Работа старых писателей, корни которых в прошлом, конечно, находится под воздействием окружающей их политической неопределенности. Некоторые из них изредка прерывали молчание, выступая с запоздалой лирикой или критическими статьями. Другие скромно молчали, находясь на пенсии, живя в городе или деревне, где государство обеспечивало их, если они были знамениты. Некоторые выбрали для себя политически неуязвимую сферу, как например, детские или абсурдистские стихи. Детские стихи Чуковского, например, отмечены гениальностью и выдержат сравнение с Эдвардом Лиром. <...> Другой путь бегства — это область переводов, в которую уходят многие блестящие русские таланты. Можно добавить, что ни в одной стране нет такого чистого и неполитизированного искусства перевода, обладающего высоким совершенством. Позже это может обернуться против него же» (см. «Звезда», 2003, № 7, стр. 134—135).

⁷ Здесь и далее цитируем по публикации в электронной Библиотеке Максима Машкова (http://lib.ru/FILOSOF/BERLIN_I/russkie_pisateli.txt). Публикация осуществлена с разрешения Фонда литературного наследия Исайи Берлина (The Isaiah Berlin Literary Trust). Перевод с английского Юлии Могилевской. © Copyright Isaiah Berlin 1980.

⁸ Местами поразительно «рифмующийся» с судьбой самого Чуковского (особенно в том, что касается темы детства) и, кстати, до сих пор не переведенный на русский язык.

скими гражданами. А между тем, многие из них, пренебрегая риском, как раз стремились к подобным знакомствам: интерес к Западу и желание установить контакты с иностранцами побеждали страх. Некоторые, правда, предпочитали соблюдать осторожность. Я относился к этому с глубоким пониманием, особенно, если это были граждане, не пользующиеся известностью на Западе, которая часто служила более или менее надежной защитой».

Плотно пообщавшись сначала с Пастернаком (заграничный гость отправился к нему в дом напрямую), Берлин посетил и Чуковского, на даче которого познакомился в тот день с Маршаком и Кассилем.

Любопытно, что в дневнике Чуковского имя Берлина появляется впервые только в записи от 2 сентября 1956 года, то есть во времена второго посещения Берлиным СССР: «Был у меня третьего дня профессор Оксфордского университета по фамилии Берлин. Необычайно образованный человек; он говорил, что в Англии появился новый чудесный перевод „Былого и дум“, который очаровал англичан. <...> Сам он пишет о Берлинском. Знает хорошо мои книжки — даже „Мастерство Некрасова“»⁹.

Интонация этой записи никак не указывает на знакомство и общение десятилетней давности, и дело тут, вероятно, не в забывчивости, но в осторожности Чуковского, который догадывался, что у его записей могут быть как неожиданные и так и ожидаемые читатели.

В следующий раз имя Исаяи Берлина встречается в дневнике Чуковского только во времена его последней английской поездки, когда один из оксфордских профессоров, историк и литературовед Дмитрий Оболенский (1918—2001) отвез Корнея Ивановича на своей машине в гости к сэру Исаяе.

Дальнейшие упоминания о Берлине в дневнике К. Ч. встречаются главным образом, в связи с лауреатскими торже-

⁹ Корней Чуковский. Дневник. 1936—1969. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 13. М.: Терра-Книжный клуб, 2007, стр. 218.

ствами Анны Ахматовой. Вот, весной 1965 года, Чуковский рассказывает ей по телефону — по случаю её предстоящей поездки в Оксфорд — какой же Берлин замечательный человек. А Лидия Корнеевна тут же «мимоходом» сообщает отцу, что Ахматова знает профессора лучше, чем К. И. может себе представить, и «что многие ее стихи („Таинственной невестречи“) посвящены ему, что он-то и есть инициатор ее коронавания. А он очень влиятелен и, конечно, устроит ей помпезную встречу» (запись от 27 мая 1965 года)¹⁰.

17 июня того же 1965 года, записав в дневнике о долгом визите своего американского корреспондента, 79-летнего Айвана Беста (Ivan Best), Чуковский записывает о последующем своем визитере, на сей раз — из Англии: «<...> чуть уехал Бест, приехал С. А. Коновалов. Он привез известия об Ахматовой. Поселилась она у Берлина. Завтракала у Vice Chancellor'a. Ее фото и интервью с нею напечатаны в „Times“. Коновалов привез отрывок из этого интервью: там она говорит, что в СССР народилась бесстрашная молодежь, что лучших поэтов (напр., Марию Петровых) не печатают, что ей, Ахматовой, пришлось голодать, что никак не понять, по какому принципу, на каком основании Сталин выбирал свои жертвы и т. д. Меня это интервью ужаснуло. Лиде оно по душе. „Ахматова была всегда героична“»¹¹.

И прежде чем представить (только представить!) читателю немногочисленные документальные источники-свидетельства о пребывании Корнея Ивановича в Оксфорде, а также — «отзвуки» оксфордской темы в последние годы жизни и в смертной судьбе Чуковского, — обозначим и нашу версию дополнительных «источников» выдвижения К. Ч. на премию, помимо результатов возможной «деятельной благожелательности» сэра Исаяи Берлина¹².

¹⁰ Там же, стр. 410.

¹¹ Там же, стр. 413.

¹² Именно таким определением — «деятельной благожелательностью» — сформулированным Лидией Чуковской в «Записках об Анне Ахматовой» (см. издание: М., 2007, том 3, стр. 192), мы полагаем и следует оценивать

Эта версия связана как раз с именем английского слависта и оксфордского профессора Сергея Коновалова (1899—1982).

* * *

Сведения о биографии Сергея Александровича Коновалова сегодня можно почерпнуть из разнообразных источников.

Статья о нем в Свободной энциклопедии «Википедия» дает деловое, краткое, но вполне исчерпывающее представление о его жизненной и научной судьбе.

Эту статью интересно дополняет подбор материалов о Коновалове блогера Живого Журнала и патриота Вичутского края, укрывшегося под именем *valuh* (tag/Коновалов; <http://valuh.livejournal.com/70760.html>).

В подбор входят: 17-частный компилятивный рассказ *valuh* о Коновалове, материалы о взаимоотношениях Коновалова с поэтом, филологом и мыслителем Вяч. Ивановым (обсуждение возможности издания произведений Вяч. Иванова в Англии в конце 1940-х гг.) и обширная статья памяти Коновалова его ученицы и выпускницы Оксфорда Елизаветы Кандыба-Фокскрофт (1912—1989).

Примечательно, что ни в одном тексте о Коновалове, среди портретов-изображений тех или иных оксфордских ученых — нет изображения самого Сергея Александровича.

В своей статье о Коновалове «Википедия» указывает два источника информации о нем: исследование доктора Оксфордского университета Геральда Стоуна «Славистика в Оксфорде: краткая история» («*Slavonic studies at Oxford: a brief history*»), изначально размещённая на портале Университета (http://www.mod-langs.ox.ac.uk/pros_russian) и — книгу доктора филологических наук, профессора Российского института культурологии, Вячеслава Шестакова «Русские в Британских университетах. Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена»

вклад И. Берлина в присвоение — как Чуковскому, так и Ахматовой — «*Doctor of Letters*» Оксфордского университета.

(Спб., 2009). В книге имеется обширная глава, посвященная С. А. Коновалову.

Заметим, что книга В. П. Шестакова¹³ при колоссальном объеме собранного и систематизированного материала (и обширной библиографии) изобилует феноменальными опечатками и досадными фактическими ошибками, в том числе, произрастающими, вероятно, из доверия заведующего Сектором теории искусств РИКа — различным мифологемам, связанным, например, с именем того же К. Чуковского.

Представляется также странным, что на портале «Russian Oxford», т. е. на сайте Московского общества выпускников Оксфордского университета, о Коновалове нет ни слова, это при том, что в разделе «История людей из России в Оксфорде»/«Исторические очерки» — содержится ряд важных биографические тексты. Здесь статьи, посвященные профессору Д. Д. Оболенскому, историкам М. М. Ковалевскому и П. Г. Виноградову, и тому же сэру Исаяе Берлину¹⁴.

Зато в разделе «Выходцы из России об Оксфорде: мемуары, публицистика, путевые заметки и др.» дана ссылка на воспоминания о пребывании Чуковского в Оксфорде — сопровождавшей его невестки М. Н. Чуковской.

Изучив все доступные нам тексты о Коновалове, и сопоставив их с различными упоминаниями его имени (равно как и имени Берлина) в дневниках, воспоминаниях и т. п., мы пришли к мнению: инициатива обсуждения Корнея Чуковского и Анны Ахматовой на университетском Совете, скорее всего, принадлежала многолетнему заведующему Русским отделом, профессору Сергею Коновалову.

Именно при Коновалове в Оксфордском университете, в 1945 году, на факультете средневековых и современных языков и литературы была основана русская кафедра (при старейшем New College), Сергей Александрович был избран её

¹³ Это не единственный труд В. П. Шестакова на эту тему, у него есть и работа «Русские в Оксфорде (из истории русско-британских культурных связей)», публиковавшаяся в 2009 г. в журнале «Вопросы культурологии».

¹⁴ См.: http://www.russianoxford.ru/view.php/page/historyro1_ru.

главой и возглавлял эту кафедру до 1967 года. Теперь исследования России в Оксфорде могли развиваться отдельно от других славянских исследований.

В 1950 году С. А. Коновалов основал ежегодный научный журнал «Oxford Slavonic Papers» (до 1967 г. вышло тринадцать томов), именно в нём были опубликованы, кстати, эмблематичные работы И. Берлина, в частности, первая редакция широко известного впоследствии исследования «Еж и Лиса». В «старой» профессорской среде (принимавшей, но несколько недолголюбивавшей Коновалова) многолетнего руководителя русской кафедры иногда сравнивали с Обломовым. Это было вызвано, вероятно, как его крайней ненавязчивостью в организационной работе (деликатность и неспешность С. К. отмечена в нескольких источниках), так и осторожной, но явной независимостью в пристрастиях и человеческих контактах. Профессор заметно сторонился антисоветски настроенных эмигрантов и проявлял повышенный интерес к бурно развивающейся в СССР литературной науке уже на новом, «послесталинском» витке времени.

Как бы там ни было, но число студентов, изучающих в Оксфорде русский язык и литературу, в «коноваловский» период стало расти в геометрической прогрессии, и эта статистика тщательно зафиксирована. Что же до общего числа советских «докторов Оксфорда», то подобной статистики не было ни до, ни после: за время руководства русского отдела Сергеем Коноваловым, степень *Honoris Causa* получили восемь (!) деятелей науки и культуры из СССР.

В числе которых были Корней Чуковский и Анна Ахматова.

Словом, у нас нет никаких сомнений в том, что именно Сергей Коновалов вместе со своими ближайшими сподвижниками (в частности, Дмитрием Оболенским, которого С. К. еще в 1949 году пригласил перейти из Кембриджа в Оксфорд) вывел на Совет Университета обсуждение Чуковского и Ахматовой. Прямые доказательства такого утверждения — увы, от-

существуют (хотя мы уверены, что возможная исследовательская работа в личных архивах Коновалова и Берлина подтвердила бы наше предположение), но многие косвенные признаки говорят именно об этом. Следует также отметить, что оксфордские поездки как Чуковского, так и Ахматовой не вызвали в чиновно-литературной советской среде какого-то особого противодействия, мы полагаем, это связано именно с «наведением» Коноваловым «мостов», его предварительными визитами в Советский Союз, встречами с влиятельным А. Сурковым и т. п.

21 февраля 1962 года Чуковский отметил в дневнике: «Сегодня получил официальное приглашение в Оксфорд и письмо от С. А. Коновалова, дающее мне указания, какие лекции там читать и прочее»¹⁵. Заметим, что никаких сведений о выдвижении на «докторантство» в этой записи — нет, речь идет просто о возможном чтении лекций в старейшем университете Европы.

Ровно через две недели после этой записи, в годовщину смерти Сталина, 5 марта 1962 года, Чуковский записывает: «Вчера я получил из Оксфорда фантастическое приглашение. Университет за мои литературные заслуги (!?) намерен торжественно возложить на меня мантию „доктора литературы“». Неужели я и в самом деле достоин такой чести? Кроме удивления, никаких чувств это во мне не вызывает. А ездить в город, в Союз, в ЦК — по этому поводу, ох как не хочется»¹⁶. И — тут же, в начале следующего абзаца: «Исполнилось полвека со времени появления первой книги Анны Ахматовой». Через три года в «Oxford Slavonic Papers» (volume XII, 1965) будет опубликован текст под названием «Анне Ахматовой: приветственное слово Корнея Чуковского» с приложенным к нему ташкентским портретом Ахматовой работы А. Тышлера. В марте 1962 года Корней Иванович, разумеется, не мог и предположить подобного оборота событий.

¹⁵ Корней Чуковский. Дневник. 1936—1969. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 13. М.: Терра-Книжный клуб, 2007, стр. 318.

¹⁶ Там же, стр. 320.

Публикуя это «приветственное слово» в сборнике «Некалендарный XX век» (М., Издательский центр «Азбуковник», 2011) Е. В. Иванова указала в примечании к нему: «Приветственное слово Ахматовой написано К. Чуковским в связи с присуждением ей Оксфордским университетом почетного звания доктора литературы *honoris causa* и опубликовано единственный раз на русском языке в журнале Британских славистов „Oxford Slavonic Papers“ (1965. Vol 12. p. 141—144). Обстоятельства написания очерка ни в дневнике Чуковского, ни в записях его дочери — Лидии Корнеевны не отражены, в музее Чуковского в Переделкине сохранились отпечатки публикации. Единственное упоминание о статье находим в записях Ахматовой: „Узнать, что Корней послал в Оксфорд“ (Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966) / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой. Вступит статья Э. Г. Герштейн. Научн. конс., вводн. заметки и консулт. В. А. Черных. М.— Torino, 1996. С. 654)».

Добавим к сказанному, что несколько сокращенный (в основном за счет обильных цитат из стихов Ахматовой) вариант этого «Приветственного слова» был в том же 1965 году напечатан в журнале «Юность» (№ 7, 1965, стр. 56) в качестве вступления в большой подборке стихотворений А. А. разных лет. «Очевидно, как ни велики у нас в стране тиражи поэтических книг, эти тиражи не могут удовлетворить возрастающий интерес читателей к поэзии, — сообщалось в редакционной вводке. — Идя навстречу пожеланиям читателей, редакция „Юности“ публикует стихи А. Ахматовой. Мы попросили одного из старейших советских писателей — К. И. Чуковского — рассказать о творчестве Анны Андреевны». Судя по всему, этот текст, приуроченный к юбилею Ахматовой, Чуковский написал именно для «Юности» (или другого издания, параллельно статье 1964 года «Читая Ахматову»). Пока статья готовилась к печати, юбилейный год кончился, «Юность» при публикации убрала соответствующие событию фразы, а оксфорд-

цы опубликовали текст полностью, поставив в заголовке оборот о приветственном слове к чествованию А. А.¹⁷.

Интонация этого изящного эссе и впрямь — приветственная.

И еще несколько слов об оксфордских профессорах Коновалове и Берлине.

24 мая 1962 года, в дни своего последнего в жизни пребывания в Англии, К. Ч. отметил в дневнике: «Марина чудесный товарищ в путешествии, ее сопутствие радует меня очень. Коновалов чистый человек, любит Россию горячей любовью, рвется на родину, в его „Slavonic Papers“ нет ни одной строки, направленной против Советского Союза. В откровенной беседе он жаловался мне, как ему тесно в Оксфорде, как тяготит его отрыв от Родины»¹⁸. Примечательная, как видим, запись для характеристики заведующего русской кафедрой в Оксфорде эмигранта.

Что же до Берлина, то стоит заметить его твердое и многолетнее «открещивание» от своей «главной роли» в ахматовском (и, по умолчанию, в чуковском «оксфордстве»). Он эту мифологию, как можно видеть по многим источникам, поддерживать никак не желал. В недавнем исследовании Романа Тименчика «Анна Ахматова в 1960-е годы» (по сути, невероятном по объему комментарии к «Записным книжкам» А. А.) приводится сразу два таких «открещивания», отсылающие читателя к «Запискам об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской и биографии поэта, написанной слависткой Амандой Хейт: «У А. А. не было сомнений, что и премия „Этна-Таорми-

¹⁷ О прошедшем ахматовском юбилее речь шла уже во втором абзаце оксфордской публикации 1965 года: «И теперь, когда вместе с другими почитателями Анны Ахматовой я праздную светлый ее юбилей (юбилей прошел в 1964 г. — П. К.), во мне с утра до вечера особенно громко и неотступно звучат ее классически четкие, прозрачные строки, созданные ею за полвека мудрой работы над словом. Любить ее поэзию я привык с давних пор, и она давно уже сопутствует мне на всех путях и перепутьях моей жизни».

¹⁸ Корней Чуковский. Дневник. 1936—1969. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 13. М.: Терра-Книжный клуб, 2007, стр. 331.

на”, и приглашение в Париж и, естественно, в Лондон — „это одна рука!“ В июне [1962] она прямо спросила об этом Исайю Берлина: „...это ваших рук дело?“ — „Нет... Ну, конечно, вернувшись (из СССР в 1956 году — П. К.), я рассказал что и как, но дальше все пошло само своим ходом“. (Аманде Хейт И. Берлин рассказывал иначе — что он, „несколько обескураженный ее верой в его могущество, отверг это предположение“)»¹⁹.

В выделенном Тименчиком в отдельный абзац фрагменте из «Записок...» Лидии Чуковской — «само» и «своим ходом» — это, очевидно, уже работа С. А. Коновалова, Б.-О. Г. Унбегауна, Д. Д. Оболенского и других оксфордских профессоров. Кстати, об Оболенском Тименчик прямо пишет, что он «был одним из организаторов оксфордского награждения»²⁰.

В случае же с Чуковским, учитывая его неопубликованную переписку с Коноваловым, сочувственные записи о С. К. в дневнике и биографию профессора, — еще раз повторим наше предположение, что именно Коновалов и «продвигал» Корнея Ивановича в почетную оксфордскую «докторантуру».

А «деятельная благожелательность» Исайи Берлина, очевидно, поддержавшего эту инициативу на Совете Университета, довершила дело и привела Чуковского в мае-июне 1962 года в Англию.

* * *

О самой поездке Чуковского в Лондон и Оксфорд — свидетельски — написано немного. Помимо его собственных подробных дневниковых записей и эмоциональных мемуаров сопровождавшей его невестки²¹ (впервые их фрагмент в июне

¹⁹ Роман Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto: Водолей Publishers / The University of Toronto, 2005, стр. 253.

²⁰ Там же, стр. 249.

²¹ Полный текст мемуаров Марины Чуковской о К. Ч. вошел в сборники «Воспоминаний о Корнее Чуковском» 1977 и 1982/83 гг., изданные «Советским писателем». Они называются «В жизни и в труде».

1975 года опубликовала «Литературная Россия»), назовём не переведенные на русский язык воспоминания английского слависта и переводчика русской литературы Питера Нормана (1921—2007)²², который, кстати, был и всегда считал себя учеником Сергея Коновалова. Надо отметить, что в мае-июне 1962 года Чуковский был приглашен в Англию Британским советом, и Норман опекал его в поездке именно как сотрудник этой организации. Через три года Норман, как известно, плотно общался в Англии и с Анной Ахматовой (и записал на магнитофон ее авторское чтение «Реквиема»).

...В письмах и нескольких автобиографических текстах Корней Иванович упоминал свой Оксфорд с трогательной гордостью, и, судя по воспоминаниям современников и по многим сохранившимся фотографиям и киносъемке, сделал почетный оксфордский наряд (мантию и шапочку) непременным атрибутом своеобразных театральных действий, бесконечно разыгрываемых перед своими гостями²³.

Ровно за год до своей кончины, по случаю окончания подготовки Академией наук СССР тринадцатитомного собрания писем И. С. Тургенева и 150-летия со дня рождения писателя, Корней Чуковский опубликовал в «Литературной России» большую статью «Тургенев в Оксфорде». Ближе к концу своего исследования К. Ч. писал: «После награждения Тургенева сте-

²² См.: Peter Norman. Kornei Ivanovich Chukovsky — A Personal Memoir. В сб. «Britain—USSR» (Published by the Great BRITAIN-USSR ASSOCIATION 14 Grosvenor Place London SW1X 7HW), January 1983, No. 63. См. также главы из книги Ирмы Кудровой «Русские встречи Питера Нормана» («Звезда», 1999, № 3).

²³ Из зарубежных воспоминателей упомянем Нину Михайловну Кристесен (1911—2001), основательницу русистики в Австралии, преподававшую в Оксфорде в 1950-е годы. «Корней Иванович любил пошутить и любил устроить драму. <...> Он был страшно доволен, что его Коновалов пригласил в Оксфорд, и он получил там почетного доктора. Он привез с собой хламиду, шляпу и все такое, и она там у него висела. <...> Он как дитя этому всему радовался» (Нина Максимова-Кристесен. Остров Элтам, или Одна счастливая русская жизнь. Корней Иванович Чуковский. Публикация Олега Донских, вступление Вячеслава Лютого, «Подъем», 2004, № 9).

пению доктора этот университет долго не оказывал почета русским замечательным людям. Лишь в 1894 году был удостоен высокого звания Д. И. Менделеев да в 1907-м — А. К. Глазунов. В 1958 году такое же звание было присвоено Д. Д. Шостаковичу, в 1960 — академику Н. Н. Семенову. В самое последнее время ученые степени были присуждены академику М. П. Алексееву (1963), академику В. М. Жирмунскому, Анне Ахматовой и проф. Д. С. Лихачеву». Внизу газетной полосы (к этим словам) редакцией газеты сделано красноречивое примечание: «К. И. Чуковский не упоминает о том, что в 1962 году Оксфордский университет торжественно наградил его званием Доктора Литературы. — Ред.»²⁴.

Примечательно, что в этой публикации Чуковский воздал обильные и заслуженные хвалы выдающемуся британскому слависту, давнему оксфордцу Джону Симмонсу (1915—2005), которого его учитель и коллега Сергей Коновалов называл «выдающимся библиографом в области руссоведения». «Не думайте, что профессор Симмонс оказывает помощь лишь тем из советских ученых, которые трудятся над собиранием и толкованием тургеневских писем, — писал в своей статье Корней Чуковский. — Его специальность — весь девятнадцатый век. Русские классики ему так же близки, как и английские. И он деятельно сотрудничает с каждым из нас, отыскивая для нас любые материалы, хранящиеся в английских архивах, библиотеках, музеях. С недавнего времени он (вослед за С. А. Коноваловым — П. К.) возглавляет редакцию журнала „Oxford Slavonic Papers“ (Оксфордские Славянские записки), в котором наряду с английскими учеными и литераторами приняли участие М. П. Алексеев, Д. С. Лихачев, В. М. Жирмунский, Н. К. Гудзий, Р. Я. Райт-Ковалева и другие. Мне кажется, настало время сказать ему спасибо за всю его благородную работу, всецело направленную к укреплению русско-английских культурных связей. Он — наш испытанный друг».

²⁴ «Литературная Россия», 1968, № 41 (11.10.1968).

И в завершение — неожиданное открытие, касающееся литературного наследия Корнея Чуковского.

Четверть века тому назад, в газете «Неделя» (21—31 мая 1987 года) была опубликована «Оксфордская речь». Во вступлении говорилось следующее. «На церемонии Чуковский выступил с речью на английском языке. Русский текст оксфордской речи Корнея Чуковского никогда не печатался и сохранился в его архиве. Публикуем фрагменты из этой речи...» Спустя два года, в 1989-м, в майском номере ленинградской «Звезды» эта «оксфордская речь» была опубликована полностью под оригинальным названием «Русскими глазами». Как оказалось, «раннеперестроечные» купюры в публикации 1987 года были цензурного свойства: в своем тексте Чуковский упоминал поэтов-шестидесятников, вынужденных эмигрировать или исключенных из Союза писателей в 1970-е, рассказал о литературном и человеческом подвиге Татьяны Гнедич, переводившей на память байронова «Дон Жуана» в сталинских застенках.

Публикация 1989 года вошла и в 15-томное собрание сочинений²⁵.

Основания называть «Русскими глазами» «речью» формально были: этот оборот — «оксфордская речь» — начертан на одном из черновиков текста рукою Т. М. Литвиновой. Однако при внимательном изучении текста и сличении его с пересказом публичного оксфордского выступления в дневниковых записях у нас возникли сомнения, а *речь* ли это.

А изучение машинописной описи папки № 78 под названием «Оксфорд» (в 2009 году материалы этой и других «именных» папок из архива Чуковского были сданы в государственный архив) и самих материалов из нее — в Научном отделе рукописей РГБ — подвело нас к пониманию, что «Русскими

²⁵ Корней Чуковский. Высокое искусство. Из англо-американских тетрадей. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 3. М.: Терра-Книжный клуб, 2001, стр. 488—494.

глазами» — не «речь», но большое эссе, написанное, скорее, для публикации.

Работа над ним, шла, вероятно, как до отъезда в Англию, так и по возвращении из оксфордской поездки.

Англоязычного варианта этого текста в архиве не обнаружено; возможно, Чуковский предполагал перевести его на английский язык и опубликовать в каком-то заграничном периодическом издании (например, в том же «Oxford Slavonic Papers»).

Оговоримся, как и предсмертное «радиоэссе» «Как я стал писателем» и ряд других подобных текстов, «Русскими глазами» — выдающееся произведение. Это, на наш вкус — настоящий шедевр отечественной эссеистики, созданный по классическим «чуковским» законам.

Вот только *не произносил* Корней Иванович «Русскими глазами» публично при получении своей ученой степени. Сомнения в этом возникают уже при чтении.

Вот фрагмент из «Русскими словами»: «Сам понимаю, что это — чудачество, но, приехав, например, в Оксфорд и увидев там Бэллиол колледж, я только и вспомнил о нем, что это был колледж Суинберна, а увидев Магдален колледж, сказал себе: „Это колледж Оскара Уайльда“.

Стыдно признаться, но, когда я впервые увидел бюсты двенадцати римских императоров на Шелдоншт билдингс, я только и вспомнил о них, с каким изумлением глядели они на девушку Зулейку Добсон в старом (и устарелом!) романе „несравненного Макса“ (т. е. Макса Бирбома, чей роман 1911 года «Зулейка Добсон» до сих пор не переведен на русский язык — П. К.).

А когда я впервые подошел к речке Айзис — это было в 1962 году (курсив наш — П. К.), — я не без волнения вспомнил, что ровно сто лет назад жарким летом по этой самой воде проплывала длинная лодка, в которой сидели три девочки, сестры Лиделл, и с ними чинный математик Чарлз

Лутвидж Додгсон, alias (иначе говоря — П. К.) Льюиз Кэрролл»²⁶.

Более всего этот пассаж о походе на реку похож на воспоминания о *прошедшем времени*.

23 мая 1962 он прочитал — публично — в том же Тейлоровском Институте, где его награждали, полумимпровизированную речь о Некрасове (это было сразу же после торжественной и древней церемонии, в соседнем зале). И — произнес в качестве ответного слова совсем иное — и значительно меньшее по объему, и другое по смыслу. Благодаря сотруднице РГБ З. Н. Липатовой недавно отыскиались русская и английская правленные машинописи этого ответного слова, сохранилась и его публикация в «The Oxford Magazine» (выпуск от от 31 мая 1962 г.).

Текст ответного слова называется «Thoughts on receiving an Honorary Degree at Oxford» и имеет при себе ссылку: «Introductory remarks to an Ichester lecture on "Nekrasov the Artist" delivered in the Taylor Institution on 23 May, 1962» («Размышления при получении почётной степени в Оксфорде»; «Предварительное слово перед лекцией „Некрасов как художник“ в Институте Тейлора 23 мая 1962 года»).

Он рассказал об этом ответном слове в своем дневнике, в записи от 24 мая 1962 года:

«Я забыл записать, что третьего дня происходила церемония, при помощи которой меня превратили в Lit. Doctor'a. Процедура величественная. Дело произошло в Taylor Institution, так как то здание, где обычно происходят такие дела, теперь ремонтируется. На меня надели великолепную мантию, по обеим моим сторонам встали bedels (наши педели?) с жезлами, в мантиях, ввели меня в зал, наполненный публикой, — а передо мною на возвышении, к которому вели четыре ступеньки, сидел с каменным, но очень симпатичным лицом Vice Chancellor of Oxford University проф. А. Л. П. Норрингтон. Профессор Ворчестера А. N. Bryan (Broun) прочитал латин-

²⁶ Там же, стр. 493.

скую похвалу, где упомянул «Crocodilius'a», после чего я поднялся на 4 ступеньки и пожал Vice Chancellor'у руку.

Vice Chancellor посадил меня рядом с собою, после чего я пошел читать лекцию о Некрасове. Читал я легко, непринужденно, почти без подготовки — и к своему удивлению имел громадный успех. Перед этим проф. Obolensky огласил мою краткую биографию. Я читал по-английски отрывки из Swinburn'a и прославил нашу советскую науку, наше литературоведение, назвав имена акад. Алексеева, Макашина, Машинского, Скафтымова, Вл. Орлова, Оксмана, Зильберштейна и многих других русских исследователей литературы»²⁷.

Вот и догадайся, что ключевой оборот для опознания «оксфордской речи» есть выражение «перед этим», т. е. *то*, что он говорил *перед* лекцией о Некрасове, сразу *после* латинской похвалы и «оглашения» профессора Оболенского.

Сейчас копия публикации «Мыслей при получении...» представлена на одном из стендов традиционной выставки в переделкинском доме-музее Корнея Чуковского, названной «1962: Oxford».

* * *

Понадеемся, что русский текст действительной оксфордской *речи*, как и традиционное трогательное латинское приветствие (не переведенное пока на русский язык), произнесенное *оратором* Armitage Noel Bryan-Brown (1900—1968) — будут опубликованы в течение недолгого времени.

Думается, что в биографии Корнея Ивановича история с присуждением ему Почетной степени Доктора литературы оказалась очень важным *личным* событием, которым он, несмотря на все театрализованные «выходы» в оксфордском наряде «на публику» — чрезвычайно дорожил.

²⁷ Корней Чуковский. Дневник. 1936—1969. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 13. М.: Терра-Книжный клуб, 2007, стр. 330.

В феврале 1963 года Чуковскому написал из Парижа старинный герой его критических статей, прозаик Борис Зайцев: «Дорогой Корней Иванович, до меня дошли слухи, что Вы в свое время приветствовали меня с 80-летием. — Я письма Вашего не получил. Не знаю, м. б. всё это и вообще легенда, все же пишу Вам и благодарю за память. — В свою очередь приветствую Ваш Оксфорд. Боже, сколько времени прошло с тех пор, как Вы писали обо мне в „Речи“. <...> Будьте здоровы, бодры, хорошо, что Вы любите детей и отлично о них пишете!»²⁸.

Сохранилась едва ли не единственная цветная киносъемка Корнея Ивановича в оксфордском наряде. Вот он, в своём переделкинском рабочем кабинете, окруженный толпой детей, увлеченно и весело рассказывает им о назначении причудливых атрибутов Доктора литературы — о серо-красной мантии и черной шапочке.

А они, раскрыв рты, восхищенно смотрят на удивительно седого человека, которого Public speaker так точно назвал «магус магнификусом» — «чудесным волшебником»...

²⁸ Корней Чуковский. Письма. 1926—1969. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 15. М.: Terra-Книжный клуб, 2009, стр. 520.